

**В. Н. Алексеева**

**Трудности передачи на английском языке особенностей быта коммунальной квартиры  
в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»**

В статье рассматриваются особенности быта коммунальной квартиры и проблема их передачи с русского на английский язык. Целью исследования является определение основных трудностей передачи данных особенностей на английский язык.

**Ключевые слова:** быт, коммунальная квартира, трудности перевода.

**V. N. Alekseeva**

**Difficulties of Translating into English the Features of Communal Apartment Life  
in M. A. Bulgakov's Novel "The Master and Margarita"**

The article is focused on the problem of representing and translating the peculiarities of communal apartment life from Russian into English. The purpose of the research is to determine main difficulties of translating these peculiarities into English.

**Keywords:** life, communal apartment, difficulties of translation.

Общеизвестно, что каждая культура отличается особыми, присущими только ей одной обычаями и традициями. Носители данной культуры бережно хранят их и передают из поколения в поколение. А для того чтобы понять тот или иной народ, необходимо знать, в каких условиях он проживал и проживает сейчас, какая обстановка окружала его в прошлом и окружает в настоящем.

Данная статья представляет собой опыт изучения особенностей быта коммунальной квартиры во времена написания М. А. Булгаковым его культовой книги «Мастер и Маргарита». Трудности передачи на язык другой культуры соответствующих реалий очевидны.

Коммунальная квартира превратилась в некий символ советской повседневности [3, с. 116], нашедшей отражение в литературе и кинематографе. Так, например, в романе «Мастер и Маргарита» М. А. Булгаков представляет на суд читателя яркие образы обитателей коммунальной квартиры, описывает их отношения, бытовые условия. Для носителя другой культуры весьма трудно понять все эти нюансы, часто переводчику приходится прибегать к дополнительным комментариям. В данной статье мы определим важные особенности коммунального быта, представленные в романе «Мастер и Маргарита», и выявим трудности их передачи на английский

язык на материале двух англоязычных переводов знаменитого романа М. Булгакова: Ричарда Певира и Ларисы Волохонской (Р. П. и Л. В.) и Майкла Гленни (М. Г.).

Жилищная политика новой власти, помимо ярко выраженной проблемы дефицита жилья, определялась рядом других, идеологических, факторов. История коммунальной квартиры, как и понятие «жилая площадь», уходят своими корнями в дореволюционное прошлое. В России после Октября 1917 г. начался прогрессирующий распад домашнего очага, и понятие жилплощади обрело иной смысл. Если ранее появление перегородок в комнатах и квартирах объяснялось нежеланием вступать в контакт с посторонними людьми, то в Советской России совместное проживание было признано новой моделью человеческих взаимоотношений, связанной с переориентацией быта от семейного к общественному [1, с. 103].

Первая особенность, которая была характерна для коммуналок, – отношение новых жильцов старых «буржуазных» квартир к наличию в каждом доме двух лестниц (парадной и «черной»), что всегда служило средством социального разграничения входящих: дворник, молочница и др. могли пользоваться только «черным ходом» (весьма примечательно, что после революции рабочие и крестьяне наделили черный ход функ-

циями парадного). Так, в *Главе 4, «Погоня»* «Мастера и Маргариты» есть следующий эпизод, ярко описывающий одну из коммунальных квартир, в которую вбегает поэт Иван Бездомный в погоне за свитой Воланда:

«Один лунный луч, просочившись сквозь пыльное, годами не вытираемое окно, скупо освещал тот угол, где в пыли и паутине висела забытая икона, из-за киота которой высывались концы двух венчальных свечей. Под большой иконой висела припиленная маленькая – бумажная. Никому не известно, какая тут мысль овладела Иваном, но только, прежде чем выбежать **на черный ход**, он присвоил одну из этих свечей, а также и бумажную иконку».

"A single moonbeam, having seeped through the dusty, perennially unwashed window, shone sparsely into the corner where, in dust and cobwebs, a forgotten icon hung, with the ends of two wedding candles [two wedding candles: In the Orthodox marriage service, the bride and groom stand during the ceremony holding lighted candles. These are special, large, often decorated candles, and are customarily kept indefinitely after the wedding, sometimes in the corner with the family icon] peeking out from behind its casing. Under the big icon, pinned to it, hung a little one made of paper. No one knows what thought took hold of Ivan here, but before running out **the back door**, he appropriated one of these candles, as well as the paper icon". (Р. П. и Л. В.)

"A single ray of moonlight, struggling through a dirty window that had not been cleaned for years, cast a dim light into one corner where there hung a forgotten ikon, the stubs of two candles still stuck in its frame. Beneath the big ikon was another made of paper and fastened to the wall with tin-tacks. Nobody knows what came over Ivan but before letting himself out **by the back staircase** he stole one of the candles and the little paper ikon" (М. Г.).

Дело в том, что *back door* или *back staircase* играют в социальном плане совсем другую роль: появление в советском союзе черного хода с самого начала – знак социального неравенства. У англосаксов, можно предположить, сначала было то же самое: негр не мог войти в дом белого иначе как через заднюю дверь. Но в настоящее время это просто выход в садик или на задний двор. Поэтому современному англоязычному читателю эта деталь ровно ничего не говорит. Переводчики постарались максимально близко к оригиналу передать особенности обстановки, характерной для советской коммунальной квартиры. Однако без переводческого комментария непонятно, почему же окно в квартире было «пыльное, годами не вытираемое», почему такие святыни, как иконы, висят позабытые, никому не нужные в пыли,

и, наконец, почему во всем описании этой обстановки «сквозит» такая безнадежность и пустота. Таким образом, при передаче данных особенностей возникает первая же трудность: не столько передать все максимально близко к тексту оригинала, сколько прочувствовать дух того времени и передать данные особенности, сопровождая их определенным пояснительным комментарием. Однако возникает следующая проблема: помещать ли его прямо в текст произведения либо отдельно после всего текста романа. Последнее, конечно, предпочтительнее. Если же поместить распространенный комментарий прямо в произведение, это нарушит ритм повествования и затруднит восприятие того или иного эпизода романа.

Во-вторых, по замыслу большевиков, жилищная проблема путем передела собственности решалась быстро и без каких-либо экономических затрат, главное – по справедливости, как это мыслил герой булгаковского «Собачьего сердца» Шариков: «...взять все, да и поделить». Следует уточнить, что богатой тогда считали квартиру, где число комнат равнялось или было больше числа проживавших [3, с. 117]. В первые годы Советской власти, когда городские советы стали активно «уплотнять» квартиры, в качестве основного мотива уплотнения выдвигалось стремление уравнивать условия жизни рабочих и буржуазии. Кстати «уплотнение» – еще один термин того времени: в квартиру буржуа вселялась новая семья или семьи, а его, если не выселяли вообще, переселяли в самую маленькую комнатку. Так, в «Собачьем сердце» к профессору Преображенскому является Швондер со свитой именно с целью «уплотнения», и профессору удастся отразить их атаку только звонком к какому-то очень крупному советскому бюрократу.

О том, что представляло собой в начале 1920-х гг. подобное уплотненное жилище, свидетельствует воспоминание поэтессы И. Одоевцевой: «В Москве, на Басманной, в квартире из шести комнат двадцать один жилец всех возрастов и всех полов живут в тесноте и в обиде» [2, с. 245–246]. В. Высоцкий в одной из своих песен так описывает условия коммунального проживания того времени: «Квартира коммунальная, система коридорная – на 38 комнаток всего одна уборная...».

Коммунальная организация жизни (одна кухня на всех и использование прихожей как места общего пользования) не только была неизбежной в условиях послереволюционного дефицита жи-

ля, но и полностью отвечала требованиям новой социально-политической системы. Таким образом, еще одной особенностью коммунального быта является вынужденное соседство фактически чужих людей на одной территории. Так, в уже упоминавшемся отрывке из 4 главы «Погоня» Иван Бездомный забегает на кухню одной коммунальной квартиры и видит, что «на плите в полумраке стояло безмолвно около десятка потухших примусов».

"...On the oven in the semi-darkness silently stood about a **dozen extinguished primuses** [Комментарий: about a dozen extinguished primuses: The shortage of living space after the revolution led to the typically Soviet phenomenon of the communal apartment, in which several families would have one or two private rooms and share kitchen and toilet facilities. This led to special psychological conditions among people and to a specific literary genre (the communal-apartment story, which still flourishes in Russia). The primus stove, a portable one-burner stove fuelled with pressurized benzene, made its appearance at the same time and became a symbol of communal-apartment life. Each family would have its own primus. The old wood – or (more rarely) coal-burning ranges went out of use but remained in place. The general problem of "living space", and the primus stove in particular, plays an important part throughout the Moscow sections of *The Master and Margarita*]. (Р. П. и Л. В.)

"In the gloom a **silent row of ten or so Primuses** stood on a marble slab". (М. Г.).

Первый перевод является наиболее удачным, так как переводчики добавили комментарий для разъяснения особенностей коммунального проживания. Однако в комментарии допущена существенная ошибка: в двух комнатах одна семья, как правило, жить не могла. Вот две семьи в одной комнате – это бывало, перегораживались занавесками или шкафами и жили.

В-третьих, проживание в коммунальной квартире порождало массовое соглядатайство и доносительство, особенно в 1930-е гг. Ветераны коммуналки вспоминали, что «в каждой квартире был свой сумасшедший, так же как свой пьяница, свой смутьян и свой доносчик» [4, с. 48]. К середине 1930-х гг. в коммуналках сложилась система правил бытового поведения, закреплённая в «Правилах внутреннего распорядка», и властная иерархия. Так, в главе 21 «Полет» Маргарита становится свидетелем ссоры двух соседей по коммунальной квартире, одна из которых говорит второй: «Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея Петровна, – говорила та женщина, перед которой была ка-

стрюля с какой-то снедью, от которой валил пар, – а то **мы на выселение на вас подадим!**»

"You should turn the toilet light off after you, that's what I'm telling you, Pelageya Petrovna," said the woman before whom there was a pot with some sort of eatables steaming in it, 'or else **we'll apply to have you evicted**". (Р. П. и Л. В.)

"You should put the light out when you come out of the lavatory, I've told you before, Pelagea Petrovna," said the woman with a saucepan of some steaming decoction, 'otherwise **we'll have you chucked out of here**". (М. Г.).

Ни в одном из переводов не решена главная переводческая задача: для носителя другой культуры остается непонятным, почему соседка по квартире может «предъявлять» другой столько претензий, и к тому же грозить выселением. Передать эту мысль возможно только с помощью распространенного комментария.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что коммунальная квартира не выполняла главную функцию городского жилища – защиту приватной жизни, препятствовала формированию автономного индивида и дифференциации приватной и публичных сфер. Понимание и адекватная передача данных особенностей являются главными трудностями для переводчика.

#### Библиографический список

1. Коткин, С. Говорить по-большевистски [Текст] / С. Коткин // Амер. Русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: антология. – Самар. ун-т, 2001а. – С. 250–328.
2. Одоевцева, И. На берегах Невы [Текст] / И. Одоевцева. – М.: Худож. лит., 1988. – 333 с.
3. Орлов, И. Б. Советская повседневность. Исторический и социологический аспекты становления [Текст] / И. Б. Орлов. – М.: Изд. дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 317 с.
4. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. N. Y.; Oxford: Oxford Univ. Press. 1999. 288 p.
5. Mikhail Bulgakov. *The Master and Margarita*. – Translated from the Russian language by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. – PENGUIN BOOKS, 1997.
6. Mikhail Bulgakov. *The Master and Margarita*. – Translated from the Russian language by Michael Glenny. – London: Collins and Harvill Press, 1967.